

УДК 159.9

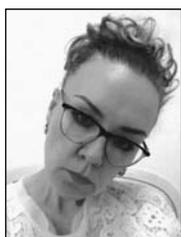
**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
Я-НАРРАТИВА ЛИЧНОСТИ С ПИЩЕВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ**

Агапов Валерий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Академии при Президенте РФ (РАНХиГС); e-mail: agapov.vs@mail.ru

Деньгина Лариса Александровна, аспирант Московского института психоанализа, e-mail: Lara.Dengina@gmail.com

Попова Ольга Фёдоровна, аспирант Московского института психоанализа, врач-психотерапевт, психолог «Гранд Клиник», Гусятников переулок, 13\3, Москва, Россия, 101000; e-mail: popova_olga@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Проблема синтеза нарративного и экзистенциально-аналитического подходов при работе с личностью, страдающей пищевой зависимостью. Теоретические аспекты экзистенциально-феноменологического анализа Я-нарратива аддиктивной личности. Различные ресурсные аспекты Я-нарратива, которые приводят к амплификации ценностно-смысловой сферы личности, формированию новой идентичности.

Ключевые слова: экзистенциальный анализ, феноменологический подход, Я-нарратив, пищевая зависимость.

«Так, высвобождаясь от власти малого, беспамятного «Я», увидишь ты, что все явления — знаки, по которым ты вспоминаешь самого себя,

И волокно за волокном собираешь ткань духа своего, разодранного миром...»

М. Волошин

Интерес к субъективному пространству личности и её индивидуальным способам адаптации к экзистенциальным данностям бытия стимулирован несколькими факторами: — быстро развивающейся и прикладной психологией, которая приобретает относительную самостоятельность и ориентируется на анализ конкретных случаев;

- дистанцированием от установки на массовость, усреднённость сознания людей, связанных одними пространственно-временными условиями существования;
- широким распространением идей экзистенциального анализа и нарративной психологии, которые сфокусированы на изучении внутреннего мира человека;
- национально-культурными особенностями духовной настроенности людей, механизмов становления «картины мира», концептов сознания;
- постепенным приобретением междисциплинарного статуса различных подходов в гуманитарных дисциплинах [3, 12].

Совершённые в XX веке открытия в естественно-научных дисциплинах, технический прорыв, глобализация, кибернетика и, как следствие, духовный нигилизм стимулировали анализ внутреннего «Я» личности. Применение идей экзистенциализма С. Кьеркегора, М. Шилера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю в психотерапии как разворот от приёмов воздействия на массовое сознание в сторону уникальности, неповторимости ощущений, переживаний «Я» и, как следствие, необходимость разработки методик, в которых учтена уникальность терапевтического опыта клиента, делают актуальным обращение к концепции нарративности, в терапии зависимостей. Междисциплинарность понятия нарратива и относительно недавно выделенная ниша для экзистенциального анализа (ЭА) со всеми признаками отдельного научного направления придаёт этим направлениям эклектичность, высокую долю применения методов из смежных дисциплин, отсутствие стагнационного аспекта, постоянную готовность к расширению. Сегодня существует потребность в наработке эмпирической базы, изучающей процесс психологического консультирования.

Для понимания динамики и закономерностей психологического консультирования необходимо выделить категорию, несущую в себе возможность отражения данной динамики. К подобной категории предъявляются два требования. С одной стороны, она должна явно прослеживаться в процессе консультирования, с другой — должна иметь научный статус для её последующего объективного анализа и включения в контекст психологического знания. На роль подобной категории может претендовать понятие «нарратив», под которым, согласно принятому определению (Дж. Брунер, Г. Мюррей, М. Уайт, Д. Эпстон), понимается автобиографическое описание, рассказанное самим клиентом. Феномен «Я — нарратива» заключает в себе не только лечебный, но ещё и диагностический ресурс, так как содержит пространственную и временную целостность человеческой жизни, логику, способ структурирования и смысл экзистенции конкретной личности в определённой жизненной ситуации [16]. Narrative означает повествование, что отражает изложение не только биографического материала, но и описание проблемы, с которой клиент обратился к терапевту, мыслей, переживаний, возникающих в связи с пищевой зависимостью. В связи с данным обстоятельством видится, что синтез данных психологических направлений может стать весьма продуктивным решением для психотерапии ряда зависимостей, в том числе пищевой (ПЗ).

Нарративный подход в психологии бурно развивается, он представлен такими зарубежными и отечественными психологами, как Дж. Брунер, Е.С. Жорняк, Дж. Комбс, К. Мюррей, У. Найссер, Н.В. Савельева, Е.Е. Сапогова, Т. Сарбин, Д. Эпстон, Дж. Фридман, М. Уайт.

А.Н. Баранов, Р.М. Блакар, П.Б. Паршин обращают внимание на дискурсивный характер нарратива, в котором можно определить характерные особенности коммуникативной позиции нарративирующего субъекта, созданного им образа адресата, а также предмета речи. Представление о *нарративе* как составляющей сообщения и способе дискурсивного конструирования связано с отбором и упорядочением квантов событийного содержания посредством речеактового и композиционного оформления высказывания [5]. Понимание нарратива как способа организации дискурса диктует необходимость описания прагматического контекста, включающего в себя говорящего, слушающих и внеязыковую обстановку общения, сопровождающую его осуществление. При описании влияния компонентов контекста на конструирование нарратива нужно «сфокусировать внимание

на специфических особенностях речевой ситуации, которые могут оказаться полезными для правильного понимания не только значения / референции, но и прагматических целей / интенций личности» [7].

Представители нарративного анализа Э. Эббот, Л. Гриффин рассматривают нарратив как анализ процесса, систему событий. Так, Э. Эббот предложил три характеристики нарратива:

- 1) пошаговая сцепка событий, последовательно организованных во времени;
- 2) логический порядок, объясняющий обусловленность событий;
- 3) конвергенция, степень совпадения социального события со стабильным состоянием, к которому уже применимы ненарративные методы.

Возможная проблема в том, что любое событие может быть обусловлено различными причинами и иметь множество последствий. В результате предстаёт сложная сеть нарративных связей. Л. Гриффин рассматривает нарратив как аналитический конструкт — с началом действия, последовательным продолжением и концом, благодаря чему возникает некое единство. И здесь важной характеристикой нарративного описания становится встроенная в него темпоральность. Согласно мнениям нарративных психологов, говоря о себе, человек не просто сообщает отдельные бессвязные факты, он всегда создаёт логичный рассказ, который увязывает отдельные факты его биографии в некое единство, а из отдельных рассказов строится единый большой нарратив — *жизненная история*, когда каждый человек является новеллистом [16]. Я-нарратив человека с пищевой зависимостью неизбежно субъективно проявляет личные способы экзистенции, связывания его прошлого через настоящее с ожидаемым будущим.

Процессный характер нарратива продолжает рассматривать П. Абелль, предлагающий восемь глобальных типов деятельности, создаваемых на пересечении трёх дихотомий, учитывающих:

- 1) делание с намерением/без намерения,
- 2) активное делание/воздержание от действия,
- 3) направленность процесса на разрешение или предотвращение проблемы [15].

Л. Кэппс, Э. Окс определяют нарратив более широко, как особую форму постижения человеком окружающей реальности, как окно в мир индивидуального опыта от взаимодействия человека с миром и собой. Исследователи сходятся в том, что Я-нарратив составляют не только сами события, описываемые человеком, а в большей степени:

- 1) субъективные представления о пережитом с теми смысловыми акцентами, которые показались человеку значимыми на тот момент;
- 2) эмоциональные переживания;
- 3) отношение к ним с последующей его трансформацией во времени;
- 4) субъективные оценки и позиция человека с точки зрения её внутренних установок, ценностей, актуальных на момент создания Я-нарратива;
- 5) вероятностные эпизоды, характеристики, отношения, которые, как кажется личности, должны логически продолжаться из её самопредставления. По словам Е.Е. Сапоговой, «получаемый нарративный продукт оказывается трансвременным смысловым феноменом, созданным для самозакрепления личности в значимой для неё реальности» [15].

Наиболее действенный инструмент Я-нарратива в психотерапии ПЗ — письменная часть, имеющая в качестве своей силы взаимодействие со всеми онтологическими данностями «Я»-личности. Описание и последующее восприятие написанного самим клиентом, особенно по прошествии времени, делает нарратив полноценным хронотопом переживаний различных уровней Я-концептов личности: уровни Я-настоящего; динамического-Я; возможного-Я; идеализированного-Я; изображаемого-Я; фантастического-Я. В этих разноуровневых сюжетах о себе важен ответ на вопрос: отчего клиент предпочитает именно это описание, адаптация с какой экзистенциальной данностью у него особо затруднена. Обращение к Я-нарративу расширяет сферу возможностей экзистенциального анализа в лечении пищевой зависимости, так как одновременно позволяет клиенту рассмотреть ценности бытия и самооценку в двух ракурсах — внутреннем мире клиента и внешнем мире.

Экзистенциальный анализ и нарратив являются подходами, проясняющими способы бытия клиента. Указание на близость этих подходов мы находим уже у М. Хайдеггера: «Язык — дом Бытия». При помощи метода феноменологической редукции Э. Гуссерля производится ноэзис, где в качестве ноэм выступают слова.

В ходе длительной экзистенциальной терапии личности с ПЗ нарративное описание как способ самодистанцирования от захваченности психофизическим измерением может явиться эффективным вспомогательным методом понимания собственных переживаний и потребностей клиента после фиксации их в материальном мире — на бумаге с последующим отложенным прочтением и допустимыми датированными ремарками. Описательная стадия терапии, которая базируется на принципах феноменологического подхода, разработанных Э. Гуссерлем, предваряет понимание и осознание реального (не окутанного дымкой) Бытия. А оно, в свою очередь, означает на практике, что явления описываются такими, какими они осознаются — признаются субъективность и множественность перспективы переживаний. Все применяемые в экзистенциальном анализе концепты также несут лексическую наполненность, подталкивая клиента к отыскиванию слов, более чётко и досконально описывающих то или иное состояние или ощущение.

Субъективное начало, присущее ЭА, отмечал Н. Бердяев: «Экзистенциализм можно по-разному определять, но самым важным представляется мне определение, что это есть философия, которая не хочет объективирующего познания» [6].

Я-нарратив позволяет точнее определить все характеристики пространства субъективности, своеобразной «экзистенциальной собственности» клиента с ПЗ:

- 1) клиент может осознать наличие неудовлетворённых желаний;
- 2) клиент может обнаружить проекции различных отчуждённых частей своей личности, ограничивающие убеждения, внутриличностные конфликты,
- 3) клиент может обнаружить копинговые реакции как способ взаимодействия с реальностью и определить «особенности внесения в реальность своей самости»;
- 4) он может соединить в себе сущее и бытийное, определяя границы между «Я» и «не-Я»;
- 5) точнее определить свои ценностные ориентиры в осуществлении жизни [14].

Описанное в Я-нарративе экзистенциальное пространство сфокусировано на субъекте, на его Я и затрагивает различные измерения личности, чётко показывая диспропорцию «Я-наррем» [15], которая наблюдается при ПЗ между «Я-телесным», «Я-конгинивным», «Я-чувственным» и «Я-духовным». В Я-нарративе обнаруживается специфика самонаполняемости этого многомерного пространства, навигация среди представлений и переживаний человека о себе самом и реальности, исходя из которой зависимый человек живёт и действует, что приводит нас к понятию «картины мира», сформулированному А.Н. Леонтьевым, описанному в работах Б.М. Величковского, А.Д. Логвиненко, В.В. Петухова, В.В. Столина. Создание нарративной Я-конструкции предоставляет возможность создания экзистенциального хронотопа между прошлой, настоящей и будущей экзистенцией личности, обогащая настоящее дополнительными возможностями видения себя, своих онтологических составляющих через призму нарратива [2].

Представление о Я как нарративе выходит за рамки психологии, становясь частью философских исследований проблемы самосознания Я. В основе нарративного подхода к «Я»-личности — классические работы С. Кьеркегора и его описание «личностного выбора», П. Бергера, Т. Лукмана о «социальном конструировании реальности», взгляды М.М. Бахтина на феномены «поступка, диалога», идеи М.К. Мамардашвили о матричных состояниях и необходимости себя, С.Л. Франка о «Я» как потоке сознания и части всеобъемлющего единства абсолютного бытия, Х. Маркуса о «возможных Я» и многие другие [1].

В ЭА давно применяется описательное повествование отдельного случая. Например, антропологически-клиническое исследование Л. Бинсвангером (случай Эллен Вест), персональный экзистенциальный анализ А. Лэнгле (клиентка Клаудия), Э. Дорцен (логоте-

рапия). Среди современных методов в отечественной психотерапии с чётко выраженной экзистенциальной направленностью используется метод интенсивной терапевтической жизни А.Е. Алексейчика, где психотерапевтическая речь выступает как основной инструмент: «Значительные слова **звучат**. В них хочется вслушиваться и самому говорящему, и слушающим. Скорее внимать, чем понимать... В наше время в жизни преобладают слова о бесконечном количестве **фактов**, отдельных фактов. И в этой бесконечности теряются **слова** образующие, объединяющие, дающие **образ, ведение**, с-ведения, показывающие, указывающие **пути** к цельности, смыслу, родству, сыновству, отцовству... К Бытию самим собой, но не только...» [4].

Именно экзистенциальный анализ Я-нарратива способен помочь личности, страдающей от ПЗ, субъективно упорядочить состоявшийся опыт жизненного пути в форме непрерывного «здесь-и-теперь-себя-творения», в котором человек постепенно становится активным субъектом, берущим на себя ответственность, сам осознаёт и называет смысл своим переживаниям и поступкам [15]. Такая работа по осознанию и соединению экзистенциального опыта в единое целое «Я»-нарратива помогает провести принципиально важную внутреннюю работу по *разотождествлению* «Я» с самим собой, с высвобождением от захваченности от своего психофизического измерения, подчиняющего господства потребностей и страстей, создавая подобным самодистанцированием то пространство внутренней свободы, в котором наличествуют лучшее видение и переживание ценностей, иные контексты, новые персональные смыслы и перспективы для развития. Работа с разными аспектами Я-нарратива методами экзистенциального анализа и логотерапии предоставляет человеку с ПЗ возможность реально пережить не только несбыточность своего бытия (М.Н. Эпштейн, Г.Л. Тульчинский), но конструировать и планировать то, что человек считает возможным и правильным для себя «в этой жизни», реализуя экзистенциальные ожидания. Посредством описанных или высказанных экзистенциальных ожиданий, найденных, но ещё не осуществлённых ценностей и смыслов, в Я-нарративе проступает то человеческое Я-зависимого, которого ещё нет, но которое уже возможно [17]. Рассказ или текст клиента — это не только констатация фактов, перечисление и описание событий, а каждый раз акт самосознания и самосоздания. Через самореализацию, найденную пока ещё в Я-нарративе, с каждым «экзистенциальным инсайтом» субъективно переживаются нарастание и расширение потенциальных и пока ещё пассивных возможностей, но вместе с тем у зависимого, по В.П. Зинченко, нарастает внутреннее пространство для жизни, в котором уже возникает целительная возможность полимодальных выборов. Э. Мунье отмечает, что личность не есть бытие, она есть движение бытия к бытию и обретает устойчивость и определённость благодаря бытию, к которому она устремляется [15]. Такое самонасыщение зависимого ценностями и смыслами актуализирует ресурсы личности и позволяет восстановить внутренний диалог с такой структурой личности, как Person — ресурсно неограниченной сущностью.

Е.Е. Сапогова, исследуя смысловую амплификацию личностного потенциала, говорит, что экзистенциальный анализ Я-нарратива формирует у зависимого человека то напряжение экзистенциальной готовности, в котором появляются силы для «усилия жить», онтологический импульс на преодоление зависимого поведения и новый выбор, доверие к себе на выдерживание «тревожности бытия». На этом предконтексте и предзнаниях Я-нарратива у зависимого формируется новая персональная позиция в отношении самого себя, как «Я-этого события», «Я-этого действия», «Я-этого желания», образуя новые семантические единства (автографемы). Таким образом, с помощью экзистенциального анализа Я-нарратива субъект может занять персональную позицию и принудить смысл существовать через себя, где «смысл — это вовсе не принцип и не первопричина, это продукт» собственной герменевтической активности личности [15]. Кроме того, в феномене смысловой амплификации Я-нарратива возникает механизм «когерентной волны», суть которого в том, что переосмысление любого автобиографического эпизода зависимого требует ретрофлексивной коррекции как несогласующегося с вновь обнаруженным смыслом. Ж. Деррида такую ценностно-смысловую трансформацию обозначал как «один

текст деформирует другой». Такая когерентная волна упорядочивает жизнь по-новому, что облегчает психотерапию ПЗ.

В.В. Калининченко, рассматривая специфический режим работы сознания, возникающий при анализе Я-нарративов, выделяет в нём следующие составляющие:

1) осмысление фрагментов жизненного пути, облегчающее актуализацию внутреннего ценностного содержания для дальнейшего развития личности, в том числе и как потенцирование ещё не воплощённых ресурсов;

2) самоуверенность как упорядочивание и стабилизация образа Я, способствующее «принятию себя как есть и желание стать субъектом»;

3) позитивирование как ретрофлексия, переоценка событий в прошлом клиента, ранее переживаемые им как неблагоприятные, нахождение нового ценностно-смыслового содержания;

4) верифицирование как субъективное ощущение правильного выбора, согласованно с совестью, как органом смысла;

5) эмоционально опредмеченную идентификацию, наполнение и связанность значимых событий в жизни с помощью персональных символов [11].

Современный экзистенциальный анализ акцентирует внимание на значении духовного измерения человека, которое, следуя В. Франклу, обнаруживается посредством базового стремления человека к нахождению смысла, к поиску и проживанию высших ценностей: свободы, ответственности, воли, совести, любви, заботы. Поэтому духовность может выступать регулятивным механизмом, который определяет и направляет поступки человека [13]. Духовное измерение достаточно эффективно может быть отражено в Я-нарративе. Через экзистенциальный анализ Я-нарратива можно лучше увидеть и понять «источники конфликта, которые скрываются в онтологических «данностях» человеческого опыта взаимоотношений, таких, как временность, свобода, встреча и смысл / бессмысленность, и в той манере, в которой каждый индивидуум откликается на них, для того чтобы посредством выстраивания и принятия своего мировоззрения либо сводить к минимуму, либо отрицать вызываемую ими тревогу» [20].

Личность с ПЗ как сформированная во многих случаях в условиях созависимости, духовной депривации и, как следствие, чувственного и телесного самоотчуждения искажает или теряет себя, свою аутентичность, поэтому в терапии важно учитывать нарративное искажение опыта «Я», которое возникает при зависимостях и указывает, в том числе, на отсутствие удовлетворённости текущей экзистенцией. Д.П. Макадамс предлагает идею модели идентичности, основанной на «жизненной истории» клиента — социокультурном нарративе, являющимся частью Я-концепции, в котором выделены значимые, упорядоченные самообъяснения, и они служат не только для лучшего понимания себя, но и являются инструментом самовоздействия для построения собственного независимого Я, значимого для себя и социально приемлемого для других. Singer отмечает, что подобные «самоопределяющие воспоминания» в Я-нарративе позволяют снизить переживание ошибок и неудач при пищевых срывах, неуспешности, помогая обрести ресурсный статус урока, опыта, самонаставления [19].

Взаимопересекающиеся цели и совмещение методологических концепций ЭА и нарративного подходов нейтрализуют личностную пассивизацию, характерную для ПЗ, увеличивают персональную активность и вовлечённость в процесс ЭА-терапии клиента. Это усиливает процесс соприкосновения с экзистенциальными данностями сначала через их описание, а затем позволяет глубже проникать в суть их функциональности, расширяя смысловые горизонты и переживание ценности жизни.

Е.Е. Сапогова определяет условия смыслового плана, которым должен соответствовать создаваемый Я-нарратив в экзистенциальном анализе:

1) все включаемые в Я-нарратив эпизоды должны быть непротиворечивыми, отражать подлинность и идентичность субъекта, создавая концептуальное ядро;

2) события собираются в логически достоверную хронологическую структуру;

- 3) нарративные эпизоды должны отражать персональные ценности личности и иметь для неё смысловое содержание;
- 4) выделенные события должны переживаться личностью как имеющие поворотное значение для его жизни;
- 5) Я-нарратив должен содержать «потенциал непредсказуемости»;
- 6) события должны раскрывать перспективу жизни клиента, расширяя его ценностно-смысловой горизонт;
- 7) Я-нарратив в своём развитии должен предполагать когнитивное усложнение, стимулирующее клиента к «герменевтической и рефлексивной активности и жизнетворчеству» [15].

Явления внутреннего мира человека, копинговые стратегии как следствие невключения некоторых онтологических составляющих в общий экзистенциальный процесс проживания бытия личностью, негативная экзистенциальная настроенность личности с ПЗ лишь опосредованно подвергаются количественному анализу, но в виде переживаний могут быть с успехом описаны и качественно проанализированы. В современном гуманитарном научном знании сформировалась сфера качественных исследований, открывающих путь к пониманию структуры переживания человека: феноменологическое исследование, биографический метод, метод анализа индивидуального случая, кейс-нарратив, этнографическое наблюдение, метод дискурс-анализа, метод «обоснованной теории» [12]. Феноменологические подходы к исследованию «Я»-зависимостей как дополнение и альтернатива позитивистской направленности количественных методов признаны сегодня достоверными способами получения информации о личности [8, 9].

Таким образом, синтез нарративного и экзистенциального подходов можно рассматривать как органическое следствие целостного базиса, подразумевающего субъективность, аутентичность, уникальность переживаемого, акцентуализацию на ценностно-смысловой сфере, пробуждение внутренних ресурсов Person как феноменального концепта экзистенциального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. *Агапов В.С.* Концепция Я и самореализация субъекта: проблемное поле научных исследований // Акмеология. 2012. № 3(43). С. 26–31.
- [2]. *Агапов В.С.* Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. 2013. № 1. С. 27–30.
- [3]. *Агапов В.С.* Соотношение науки, религии и искусства в психологическом познании человека // Акмеология. 2014. № 4. С. 12–20.
- [4]. *Алексейчик А.Е.* Психотерапия жизнью. / Психотерапия жизнью: Интенсивная терапевтическая жизнь Александра Алексейчика / А.Е. Алексейчик. — Составитель Римантас Кочюнас. — Вильнюс: Институт гуманистической и экзистенциальной психологии. — 2008. С. 124.
- [5]. *Артёмова Т.В.* Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Артёмова Татьяна Викторовна;. — Кемерово, 2008. — 232 с
- [6]. *Бердяев Н.* Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996.
- [7]. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. / Пер. с англ. О.А. Гулыги, сост. В.В. Петрова, под ред. В.И. Герасимова. М., 1989.
- [8]. *Деньгина Л.А., Попова О.Ф.* Раскрытие ресурса феномена вины в психотерапии лиц с пищевой зависимостью // Акмеология. 2014. № 2.С. 187–191.
- [9]. *Деньгина Л.А.* Анализ проблематики качественных исследований личностей с пищевой зависимостью // Акмеология. 2014. № 2. С. 187–191.
- [10]. *Зинченко В.П.* Живое знание. — Самара: СГПУ, 1997.
- [11]. *Калинченко В.В.* Язык и трансценденция // Логос. 1994. № 6. С. 7–46.
- [12]. *Орликова Н.В.* Типы экзистенциальных ожиданий в «Ego-trip» нарративах // «Вестник ПГЛУ». — Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики.

Материалы Второй всероссийской научно-практической конференции (Казань: Казанский государственный ун-т, 28–29.11.06). — Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. — С. 42–46.

[13]. *Попова О.Ф.* Экзистенциальный анализ в работе с пищевой зависимостью: трансформация страдания и тревоги в ценности и смысл // *Акмеология*. 2014. № 3. С. 148–154.

[14]. *Сапогова Е.Е.* Смысловая амплификация личностно-значимых событий в автобиографических реконструкциях // *Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы: Сб. научных статей / научн.ред. Н.А. Логинова, К.В. Карпинский.* — Гродно: Изд-во ГрГУ, 2012. — С. 79–101.

[15]. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциальная психология взрослости. — М. Смысл, 2013.

[16]. *Труфанова Е.О.* Я-нарратив и его автор. Я как нарратив: история концепции // *Философия науки*. Вып. 15: Эпистемология: актуальные проблемы. М.: ИФ РАН, 2010. С. 183–193.

[17]. *Эпштейн М.Н.* Жизнь как тезаурус // *Моск. Психотерапевт. журн.: теоретико-аналитическое издание.* — М.: МГППУ, 2007. № 4(55). С. 47–55

[18]. *Ferro A.* Clinical Implications of Bion's Thought. *Int. J. Psycho-Anal.*, 87: 989–1003.

[19]. *Singer J.L., Salovey P.* Organized knowledge structures and personality: Person sche mas, self schemas, prototyoes, and scripts// *Person schemas and maladaptive interpersonal patterns / M.J. Horowitz(Ed.)* — Chicago: University of Chicago press, 199 / P. 13–31.

[20]. *Spinelli, E.* Tales of Un-Knowing: Therapeutic Encounters from an Existential Perspective. London: Duckworth, 1997.

THE EXISTETIAL-PHENOMEOLOGICAL ANALYSIS SELF-NARRATIVES PERSON WITH FOOD ADDICTION

Valeriy S. Agapov, Doctor of Science (Psychology). Acmeology and psychology department of professional activity RANHiGS, Moscow, Prospect Vernadskogo 84; agapov.vs@mail.ru

Larisa A. Dengina, post-graduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis; e-mail: lara.dengina@gmail.com

Olga F. Popova, post-graduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis, psychotherapist, a psychologist in the system of the Grand Clinic Gusjatnikov per., 13/3, Moscow, Russia, 101000; e-mail: popova_olga@mail.ru

ABSTRACT

The article is updated synthesis problem of narrative and existential-analytical approach at work with a person suffering from food addiction. The theoretical aspects of existential-phenomenological analysis of the narrative selfI-addicted individuals. The article describes the different aspects of resource self-narrative, which lead to the amplification of value-semantic sphere of the person, the formation of a new identity.

Keywords: existential analysis, phenomenological approach, self-narrative, food addiction.

REFERENCES

[1]. *Agapov V.S.* Концепция Я и самореализация sub#ekta: problemnoe pole nauchnyh issledovanij // *Акмеология*. 2012. № 3 (43). С. 26–31.

[2]. *Agapov V.S.* Sistemnoe izuchenie Я-концепции sub#ekta v rossijskoj psihologii // *Акмеология*. 2013. № 1. С. 27–30.

[3]. *Agapov V.S.* Sootnoshenie nauki, religii i iskusstva v psihologicheskom poznanii cheloveka // *Акмеология*. 2014. № 4. С. 12–20.

[4]. *Aleksejchik A. E.* Psihoterapija zhizn'ju. / Psihoterapija zhizn'ju: Intensivnaja terapevticheskaja zhizn' Aleksandra Aleksejchika / A.E. Aleksejchik. — Sostavitel' Rimantas Kochjunas. — Vil'njus: Institut humanisticheskoy i jekzistencial'noj psihologii. — 2008. — S.124

[5]. *Artjomova T.V.* Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nyh rechej A.F. Koni: diss.... kand. Filol. nauk: 10.02.01 / Artjomova Tat'jana Viktorovna;. — Kemerovo, 2008. — 232 s.

- [6]. *Berdjaev N.* Istina i otkrovenie. SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1996.
- [7] *Dejk T. A. van.* Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. / Per. s angl. O.A. Gulygi, sost. V.V. Petrova, pod red. V.I. Gerasimova. M., 1989.
- [8]. *Den'gina L.A., Popova O.F.* Raskrytie resursa fenomena viny v psihoterapii lic s pishhevoj zavisimost'ju // Akmeologija. № 2 2014. S. 187–191
- [9]. *Den'gina L.A.* Analiz problematiki kachestvennyh issledovanij lichnostej s pishhevoj zavisimost'ju // Akmeologija. № 2 2014. S. 187–191.
- [10]. *Zinchenko V.P.* Zhivoe znanie. — Samara: SGPU, 1997.
- [11]. *Kalinchenko V.V.* Jazyk i transcendencija // Logos. 1994. № 6. S. 7–46.
- [12]. *Orlinkova N.V.* Tipy jekzistencial'nyh ozhidanj v «Ego-trip» narrativah // «Vestnik PGLU». — Vyzovy jepohi v aspekte psihologicheskoj i psihoterapevticheskoj nauki i praktiki. Materialy Vtoroj vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj un-t, 28–29.11.06). — Kazan': ZAO «Novoe znanie», 2006. — S.42–46.
- [13]. *Popova O.F.* Jekzistencial'nyj analiz vrabote s pishhevoj zavisimost'ju: transformacija stradanija i trevogi v cennosti i smysl // Akmeologija. 2014. № 3. S.148–154.
- [14]. *Sapogova E.E.* Smyslovaja amplifikacija lichnostno-znachimyh sobytij v avtobiograficheskikh rekonstrukcijah // Psihologija zhiznennogo puti lichnosti: metodologicheskie, teoreticheskie, metodicheskie i prikladnye problemy: Sb. nauchnyh statej/nauchn. red. N.A. Loginova, K.V. Karpinskij. — Grodno: Izd-vo GrGU, 2012, S.79–101
- [15]. *Sapogova E.E.* Jekzistencial'naja psihologija vzroslosti — M. Smysl, 2013.
- [16]. *Trufanova E.O.* Ja-narrativ i ego avtor. Ja kak narrativ: istorija koncepcii // Filosofija nauki. Vyp. 15: Jepistemologija: aktual'nye problemy. M.: IF RAN, 2010. S. 183–193.
- [17]. *Jepshtejn M.N.* Zhizn' kak tezaurus // Mosk. Psihoterapevt. zhurn.: teoretiko-analiticheskoe izdanie. — M.: MGPPU, 2007. № 4 (55). S.47–55
- [18]. *Ferro A.* Clinical Implications of Bion's Thought. Int. J. Psycho-Anal., 87: 989–1003.
- [19]. *Singer J.L., Salovey P.* Organized knowledge structures and personality: Person schemas, self schemas, prototyoes, and scripts // Person schemas and maladaptive interpersonal patterns / M.J. Horowitz (Ed.) — Chicago: University of Chicago press, 199 / P. 13–31.
- [20]. *Spinelli, E.* Tales of Un-Knowing: Therapeutic Encounters from an Existential Perspective. London: Duckworth, 1997.